

K-556
461

К Р О К О Д И Л

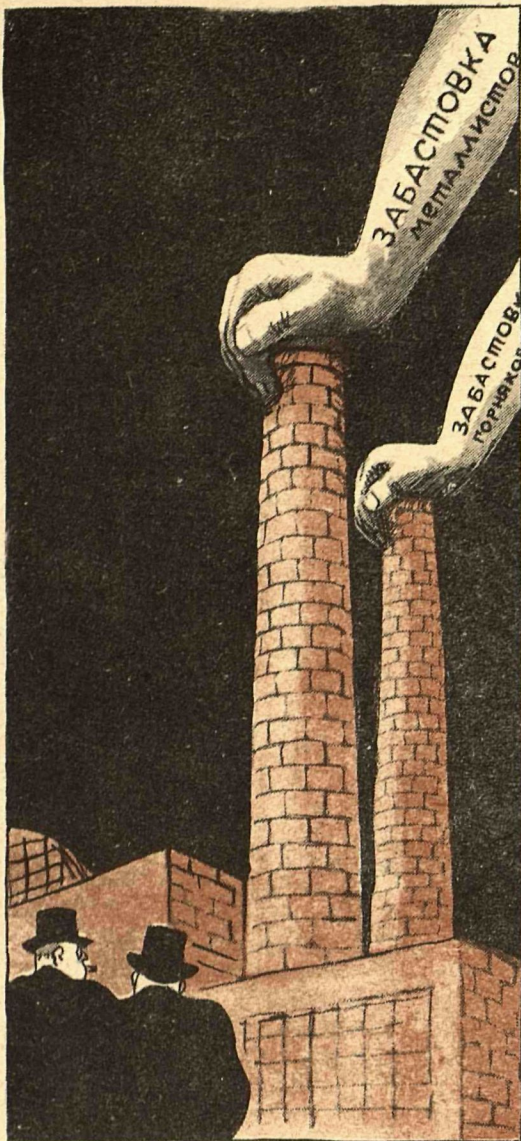
Выдающиеся произведения русской классической музыки исполняются по радио бессистемно и случайно.

Рис. Ю. Гельфанд

ДУХ ИЗГНАНЬЯ

— Какой же я «вольный сын эфира», если меня уже второй месяц в эфир не пускают?!

— Странно, мистер Джонс, — дыма нет, воздух чище, а дышится не очень легко.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ПАРИЖ. Один из местных криминалистов, осмотрев парижские тюрьмы и не найдя в них известных своим сотрудничеством с немецкими оккупантами участников Комитета тяжёлой промышленности («Комите де Форж»), спросил у начальника тюремного ведомства: «Неужели эти господа не сидят?» «Сидят, — ответил начальник, — но только не там, где вы их ищете. Они сидят попрежнему в правлениях банков и акционерных обществ».

ЦЮРИХ. На местной толкучке появилось много старых вещей. Торгует ими главным образом некое частное лицо по фамилии Черчилль. В числе этих вещей сильно подержанные бриановские «Соединённые штаты Европы» и подновлённый «западный блок» со старыми мюнхенскими заплатами.

АФИНЫ. В связи с широким распространением малярии в Греции, здешние власти передали предназначенные для борьбы с малярией самолёты ЮНРРА в распоряжение монархических банд. Это мероприятие, сообщает преческое министерство здравоохранения, объясняется тем, что, сокращая количество населения, монархисты тем самым сокращают и количество малярийных больных.

ИВАНУ Филипповичу Ласточкину лет шестьдесят пять, но сам он ни разу никому не сказал об этом, так как в разговорах о возрасте, когда они возникают, чрезвычайно уклончив и сдержан.

— А лет вам сколько, Иван Филиппович?

— Не так уж много.

— Но и не так уж мало.

— А вы что меня сватать, что ли, собираетесь?

Иван Филиппович — небольшого роста, коренастый человек. У него седые густые волосы, которые он тщательно причёсывает на косой пробор. Маленькие светлые глаза. Они глядят иногда очень пристально и очень строго, но они же бывают подчас очень добрыми.

Примерно каждый год — полтора Иван Филиппович отращивает усы, потом их сбывает. Усы вырастают широкими, мутножёлтого цвета и почему-то очень редкими. Они меняют лицо Ивана Филипповича настолько, что люди, редко приходящие в учреждение, в котором Иван Филиппович работает курьером, зачастую просто не узнают Ивана Филипповича. Однажды произошёл такой случай. Один гражданин, побывав в учреждении в январе, пришёл опять месяцев через восемь.

За эти восемь месяцев в характере заведующего тов. Грызлова не произошло сколько-нибудь заметные изменения, и он, назначив гражданину приём на 12 часов дня, пригласил его в свой кабинет только часам к четырём. Гражданин этот был весьма словоохотлив и, дожидаясь, пока его примет тов. Грызлов, беседовал с Иваном Филипповичем о том, о сём.

Усы Ивана Филипповича в это время были особенно, если можно так выразиться, раскидистыми. Им предстояла близкая гибель, и они, как бы стараясь взять от жизни всё, что могла она им дать, росли во все стороны, закрывая даже кончик носа Ивана Филипповича. Настроение Ивана Филипповича в этот день по причинам, которые будут понятны в дальнейшем, было весьма неважным. На вопросы словоохотливого гражданина он отвечал односложно, вяло, и гражданин спросил Ивана Филипповича:

— Скажите: а где тот курьер, который тут работал месяцев восемь назад? Такой был симпатичный старичок, весёлый такой, разговорчивый.

— Так это я и есть, — сказал Иван Филиппович.

— Ну да?!

— Вы тогда приходили за разрешением на приобретение отходов сала.

— Верно. А, знаете, вопрос ещё до сих пор не решён.

— Вопрос решён, — сказал печально Иван Филиппович, — отходы сгнили на базе.

— Значит, можно не дожидаться?

— Если других дел нет, то можно и не дожидаться. Сгнили отходы. Ни себе, ни другим.

Пётр Петрович Грызлов не любил Ивана Филипповича. Он, наверное, уволил бы Ивана Филипповича, но необходимых для этого причин подыскать никак не мог. Иван Филиппович работал добросовестно.

Однажды он заболел воспалением лёгких: осенним тёмным, слякотным вечером он доставлял бумаги в учреждение, находящееся за городом, и промочил ноги. Когда после болезни он пришёл на работу, Грызлов спросил его:

— Зачем же вы поехали вечером? Могли бы на завтра отложить.

Иван Филиппович ответил с досадой:

— Эх, всё только у вас завтра и завтра, товарищ Грызлов! Может быть, что-нибудь и сегодня делать надо.

Пётр Петрович Грызлов был человеком довольно сдержанным и ничего не ответил на это Ивану Филипповичу. Но дня через четыре произошло следующее: Иван Филиппович вошёл в кабинет Грызлова и, как обычно, поставил на стол подносик с чаем и бутербродами, но,

вместо того чтобы тут же уйти, задержался у стола заведующего и решительно сказал:

— Четыре вагона простанвают, товарищ Грызлов, безо всякого смысла.

— Что?! — спросил в крайнем изумлении Грызлов.

— Четыре вагона, говорю, третий день простаивают. Разве это — дело?

— Вы здесь кто? — спросил Грызлов.

— Работник.

— Вы курьер и делаете то, что вам положено делать. И не вмешивайтесь не в свои дела, и чтобы это было в последний раз! Идите.

Он произнёс всё это строго и внушительно, но, когда за Иваном Филипповичем закрылась дверь, снял трубку, набрал нужный номер и сказал:

— Семён Иванович, что это у нас там с вагонами происходит? А? Что? Давайте сейчас же отправляйте. Нас обвинят, и будут правы.

Страстное желание избавиться от беспокойного курьера не покидало Петра Петровича Грызлова, и как-то вечером он позвал Ивана Филипповича к себе в кабинет.

— Садитесь, Иван Филиппович, — сказал он ласково. — Ну, как вы вообще живёте?

— Спасибо, хорошо.

— Опять усы обрили, хе-хе?

— Никак не могу направить их по-настоящему, — сказал Иван Филиппович. — Не так растут. Рассержусь на них — обрею, а потом вроде как-то без них нехорошо, ну и опять отпускаю.

Они помолчали.

— Человек вы уже немолодой, — сказал Грызлов, — поработали, как говорится, на совесть. Разве вам не пора отдохнуть? Жена ваша здравствует?

— Здравствует.

— И дети есть?

— Сын. Майор.

— Ну, вот видите! Сидеть бы вам надо у семейного очага и радоваться, так сказать, внуков нянчить.

— Внуков как раз не имею.

— Ну, всё равно кого-нибудь там ещё нянчить. Пора, пора подумать о себе, товарищ Ласточкин. А уж проводы мы бы вам устроили такие торжественные!..

Иван Филиппович встал со стула.

— Я работы не покину, — сказал он и вышел из кабинета Грызлова.

Прошло некоторое время, и в один, как говорится, прекрасный день Пётр Петрович Грызлов был снят с работы.

— Ящики вас подкузьмили, — сказал ему Иван Филиппович, — ящики, товарищ Грызлов, всё и сделали.

— Какие ещё ящики?

— Да обыкновенные, для мыла. Говорил я вам тогда: «Подумать надо своевременно о фанере и лесе, Пётр Петрович». Говорил я вам так? Говорил. Обратили вы внимание на мои слова? Нет. А ещё накричали на меня, а что получилось? На складах мыло, надо отправлять, а тары нет.

Он вышел из комнаты, а тов. Грызлов подошёл к окну и задумался. Он вспомнил всё то, что говорил ему Иван Филиппович. Действительно выходило так, что этот небольшого роста старичок, курьер, душой болел за дело, и, кто знает, если бы он, Пётр Петрович Грызлов, прислушивался к нему, может быть, не пришлось бы сейчас сдавать дела новому заведующему. Может быть, Пётр Петрович и вернул бы сейчас Ивана Филипповича и сказал бы ему что-нибудь хорошее, но он был человеком весьма самолюбивым и, даже уходя из учреждения навсегда, не попрощался с Иваном Филипповичем.

Константин ФИНН

— Только я один в поле не воин!

ОДНАЖДЫ...

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Однажды во время франко-прусской войны в 1870—1871 годах Бисмарк встретил возле главной квартиры немецкого штаба солдата с окровавленным лицом.

— Из какого ты кабака? — сердито спросил канцлер.

— Из кабака, открытого вашим сиятельством под вывеской «Германия», — угрюмо ответил солдат, только что раненый в стычке с прорвавшейся к штабу французской разведкой.

НАД КЕМ СМЕЕТЕСЬ?

Однажды Генрих Гейне смотрел в берлинском театре комедию, героями которой были тщеславные и глупые бюргеры. Видя, как хохочет буржуазная публика, наполнявшая зрительный зал, Гейне воскликнул:

— Никогда не думал, что можно так смеяться, глядя на себя в зеркало!

В ГОСТЯХ У СУЕВЕРНОЙ ХОЗЯЙКИ

Однажды И. А. Крылов был в гостях у знакомых. Когда сели ужинать, обнаружилось, что за столом сидят тринадцать человек. Хозяйка была очень обеспокоена этим обстоятельством, но великий баснописец немедленно её успокоил:

— Не волнуйтесь, дорогая. Можете считать, что нас четырнадцать: я ем за двоих...

ЭКСПРОМТ КАРАТЫГИНА

Однажды на сцене Александринского театра была поставлена комедия некоего Сведенцова «Воробушки». Эта совершенно ничтожная пьеса имела, однако, некоторый успех у части зрителей.

— Что тут может нравиться? — недоуменно спросил кто-то.

В ответ на этот вопрос известный автор водевилей П. А. Каратыгин произнёс экспромт:

«Успех воробушков меня не удивляет. Вполне понятен он, ей-ей:

Ведь на безрыбье рак за рыбу

отвечает,

Ведь на бесптичье и ворона — соловей.

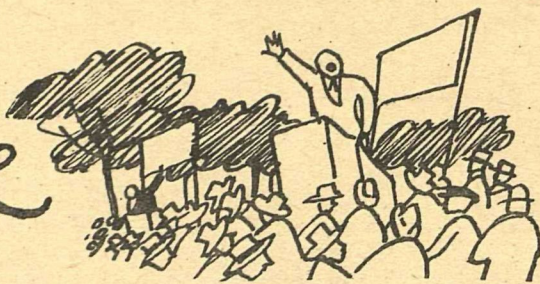
Не зная истины, все верят

в небылицы,

Едят воробушков, коль нет вкуснее

птицы».

Шестьпипенсовое Красноречие

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Мы попали в лондонский Гайд-парк в тот час, когда там шли традиционные воскресные митинги. Здесь и там на маленьких трибунах-кафедрах, т. е. попросту на ящиках, к которым прилажены грубо отёсанные перила, разглагольствовали уличные ораторы. Трибуны можно получить тут же у ограды; они выдаются напрокат, как велосипеды или лодки. На трибуне водружается шест с вывеской, на которой обозначено, от какого клуба, организации, общины оратор выступает. Слушатели почти всегда находятся, благо день воскресный, кино закрыты, деваться некуда, а ещё Виктор Гюго писал, что всю скуку мира можно увидеть в воскресном Лондоне.

Мы насчитали около полутора десятка таких летучих импровизированных митингов. Вокруг некоторых ораторов стояла густая толпа. Других слушали человек 20—30 от силы. Были и такие, что говорили как бы в пустое пространство. Им никто не внимал, но они продолжали исходить своим красноречием.

У самого входа в Гайд-парк на кафедре, смахивающей на церковный аналой, витийствовала тощая седовласая дама. Это была представительница Армии Спасения. Воздевая руки к небу, потрясая судорожно кулаками, ораторша грозно корила грешников, требовала очищения душ и посылая проклятья на головы безбожников, которыми, по её мнению, заселён ныне Лондон. Голосок у дамы был из тех, о которых ещё Салтыков-Щедрин говорил, что подобный голос надо потом целую неделю лопатой выгребать из уха. Слушали её человек 40—50. Тут были немолодые лондонцы с женами. Иногда подходили люди помоложе, прислушивались с равнодушными лицами, покуривали сигареты. Потом с чисто лондонским шиком, приклеив окурки к большому пальцу, зажав его ногтем среднего, выстреливали сигаретой так, что она летела метров на двадцать, и молча отходили в сторону, явно сворачивая со спасительной тропы куда-то на дорогу греха...

Рядом, в зоне слышимости ораторши Армии Спасения, возвышалась трибуна, на которой стоял весьма уважаемый джентльмен в золотых очках с профессорскими сединами. Вывеска на его шесте гласила: «Представитель мозгового треста. Даёт ответы на любой во-

прос». Два почтенных консультанта стояли тут же на всякий случай. Очевидно, для подсказки, если вдруг эрудиция главного мозговика подкачает. Мозговой трест, как известно, учреждён радиовещательной компанией «Би-би-си». Во время передач мозгового треста перед микрофоном собираются представители различных отраслей знания и политики, они отвечают на разные вопросы радиослушателей. Но в Гайд-парке всё переведено на бульварный язык, всё удешевлено, как в шестипипенсовом универмаге, и низведено до степени ярмарочного примитива. Недаром же в Англии существует нарицательное выражение: «Говорит с приёмами оратора из Гайд-парка». Когда мы подошли к этой группе, она была довольно многолюдной, мозговой оратор только что закончил небольшую лекцию о колониальной политике в области каучука, вытирал цветным платком взмокший лоб и очки, предлагая слушателям задать ещё какой-нибудь вопрос.

— Известно ли достопочтенному джентльмену, — спросил высокий угрюмый человек с загорелыми руками фермера, — откуда взялись на свете свиньи?

Оратор вделся в очки, строго посмотрел на сирогового и тотчас же приступил к ответу.

— На месте уважаемого джентльмена, — сказал он, — я бы не обнаруживал здесь, в этом высоком обществе, такого чрезмерно пристального интереса к свиньям. Но я могу удовлетворить его любопытство. Некоторые

полагают, что современная домашняя европейская свинья происходит от средне-европейского вепря, я же утверждаю, что современная свинья берёт своё начало в Австралии. Австралийские колонисты, культивируя этот вид...

И с невозмутимым видом мозговой оратор полчаса излагал свои взгляды на происхождение свиньи.

Немного подальше стоит странного вида, очень бровастый и криворотый человек в новенькой пиджачной паре, с лицом Мефистофеля-неудачника, потерявшего работу в пекле. В руке металлическая трость. Кафедры уже все разобраны, потому, вероятно, он стоит на траве, держа шест с щитом «Новая социалистическая партия». Нам объясняют, что мы видим перед собой представителя одной из разновидностей сторонников фашиста Мосли, которые теперь любят рядиться во всякие демократические колеры.

— Леди и джентльмены! — хриплым голосом вещает оратор. — Леди и джентльмены. Истинный социализм всегда был чашием чисто национальным.

Вокруг оратора — зияющая пустота. Большинство обходит его стороной. Даже странно: словно какая-то полоса отчуждения простирается вокруг этого криворотого человека с железной палкой, похожей на ко чергу. Но вот и у него нашёлся слушатель. Это мальчонка лет девяти. Он ест персик, зарываясь в мякоть губами и носом, и исподлобья, с ленивым любопытством, уставился на оратора.

— Леди и джентльмены! — кипятится оратор.

Мальчишка, воплотивший в себе всех леди и джентльменов, подразумеваемых оратором, оказывается, очень заинтересован металлической тростью господина. Он обходит её со всех сторон и даже украдкой касается пальцем. Потом он уходит прочь от оратора, который, видимо, ему наскучил. Семена новой «социалистической» партии пали в данном случае на неблагоприятную почву.

На большой лужайке этого «шестипипенсового парламента» шумное оживление. Отсюда слышатся хохот, аплодисменты, реплики вперёбой. Людей там так много, что передние вынуждены сесть на траву, чтобы не загороживаться оратором стоящим позади. И в центре этого круга куралесит пожилой небритый человек без пиджака. Галстук висит у него развязанным, воротничок отстёгнут, под кадыком блестит запонка. Он, видимо, уже завоевал симпатии собравшихся, потому что каждая его реплика вызывает хохот и одобрение. Мы прислушиваемся. Оказывается, он просто рассказывает анекдоты. Трюк состоит в том, что, рассказывая очередной анекдот, оратор делает неожиданное обобщение на политическую злобу дня. Он не лишён остроумия. Маленькие притчи его задевают слушателей за живое. Народу вокруг него — не подступишь. А он так и сыплет шутками, курьёзными примерами, анекдотами.

Новая
Социалистическая
партия

— Я вам расскажу, леди и джентльмены, ещё одну историю, — хрипит он, расстёгивая жилетку. — На одной улице жили рядом два почтенных джентльмена. Один был богат, другой — не то, чтобы беднее, но скупер. И у обоих были красивые жёны, и оба были ревнивы. Ночей не спали джентльмены, прислушиваясь, не ходят ли под окнами повесы, желающие похитить их жён. И так они извелись оба от ревности, что богатч сказал соседу: «Знаешь, мой друг, нам нужно завести злую собаку, такую огромную, такую страшную, чтобы никто не смел и носа совать в наш двор. Тогда мы будем оба спокойны. Мне обещали такую собаку, но она очень дорога, не желаешь ли и ты войти в пай?» И сосед дал денег соседу на собаку. Они купили злого пса, который оказался даже страшнее, чем они предполагали. Это было, скажу я вам, господа, такое чудовище, что его боялась вся улица. И действительно, никто уже не рисковал даже близко подойти к жилищам ревнивцев. Всех распугала собака, жившая на дворе у богача. Разъелась собака, стала с жиру беситься, кидаться на всех, и кончилось это тем, что стала она лаять со двора богача на соседа, который тоже давал деньги на неё... А люди стали разговаривать, что богач-то, имеющий злую собаку на своём дворе, похаживает к жене соседа, когда того нет дома. А вот сосед к богачу во двор — ни ногой: собака не даёт... И вот я вас спрашиваю, леди и джентльмены: не может ли таким точно образом кончиться вся эта история с англо-американской дружбой и атомной бомбой?

Хохот стоит кругом. Люди катаются по траве. А человек в жилетке начинает уже новую историю, столь мало пристойную, что девушки стыдливо прикрываются сумочками, а мужчины похихатывают за дымовой табачной завесой, разом выпущенной из сотни сигарет. История эта кончается внезапным сравнением с одной из сцен в парламенте.

В глубине аллеи молодой оратор в солдатской куртке, высоколобый, с красивым ртом и открытым взглядом, собрал вокруг себя много слушателей. Толпа здесь стоит серьёзная, внимательная. Много рабочих, моряков, военных.

— Хорошо! Мы следим за тем, о чём говорят в Париже. Но — радует ли или огорчает нас сообщение оттуда — мы с вами должны помнить одно: война нужна не нам. Война нужна не тем, кто прежде всех сам должен будет идти на войну. Прочный мир может быть на земле только тогда, когда мы все объединимся, когда объединятся все такие, как мы.

— Кто это мы? — раздаётся резкий и вызывающий голос из толпы. — Кто это мы? Коммунисты?

Все оборачиваются, шикают.

— Мы — это не ты! — разом отвечает парень в солдатской куртке и отмахивается от реплики, как от мухи.

— Говори за себя! — не унимается оппонент. — Это ты привык говорить только за себя, ты и думаешь только о себе, а ты бы подумал о всех! — громко говорит оратор, и палец его упирается в человека, на которого теперь все смотрят уже с явным недоброжелательством.

Возле толпы — четыре шага, остановка, ещё четыре шага, поворот — прохаживается полисмен. У него невозмутимое, как бы ничего не ведающее лицо, ничего не слышащее ухо. Он ходит тут просто так, только ради порядка. Он не вмешивается, пока нет драки или кто-нибудь не позволит себе задеть особу короля. Однако он подходит ближе...

И какой-то субъект за деревом, весьма загорелый, в широкополой шляпе, которую в Лондоне носят детективы, что-то украдкой заносит в записную книжечку...

Рядом выступает худосочный джентльмен под вывеской «Две жизни вместо одной!» Он сообщает собравшимся, что в скором времени осчастливит человечество книгой, в которой будут изложены точные, им найденные, способы продления жизни. Но вид у джентльмена такой чахлый, что где уж ему прожить самому две жизни, дай бог бы одну дотянуть...

Свист, аплодисменты, хохот, визг доносятся с зелёного луга, где толпа окружила шаткую трибуну, которая жалобно скрипит под грузным оратором, воздвигшим на ней яркую вывеску на высоком шесте. «Мои зелёные бомбы сильнее атомной», — начертано на вывеске. Под надписью изображены грубо намалёванные кочны капусты, тучная брюква, длинная морковь, похожая на огненный меч. Ниже значится: «Спикер (т. е. оратор) Даниил Форбстер. Вегетарианское общество». Тут же указан адрес оратора и его зелёной лавки. Господин Форбстер повесил свой пиджак на перила трибуны. Он выступает в белой майке-безрукавке. У него гипертрофированные бицепсы, которым позавидовал бы партерный гимнаст, работающий «за низа» — как называют в цирке атлетов, которые поднимают на плечи всех своих партнёров. Лицо господина Форбстера из зелёной лавки внушает гораздо меньше доверия, чем его мышцы. Оно неважно выглядит среди бела дня в Гайд-парке, и уж совсем не хотелось бы увидеть перед собой такую физиономию ночью в переулках Ист-Энда. Чёрная войлочная шляпа прикрывает чело господина Форбстера. Надувая свою атлетическую грудь, пуча мускулы, оратор обрушивает свой рыкающий гнев на всех мясоедов. Он доказывает преимущество всевозможных трав и овощей, адресуя свои советы и обличения женщинам.

— Вы, женщины! — гремит он на всю округу. — Чем вы кормите своих мужей? Взгляните на них (широкий жест узловатой руки). Посмотрите, до чего вы их довели вашей кухонной отравой! А потом вы сами же недовольны ими.

— А как насчёт виски? — спрашивают у проповедника травы.

— Виски — ещё больший яд, чем мясо, — отвечает он.

— Что же ты пьёшь? Молоко?

— Молоко! — гордо отвечает Форбстер и вынимает из кармана бутылочку с молоком. Он отвинчивает пробку, опрокидывает бутылку в рот и тут же сплёвывает.

— Что, виски вкуснее? — спрашивают его.

— От ваших дурацких реплик у меня молоко скисло, — говорит Форбстер и выливает молоко на землю, продолжая свою лекцию.

— Ох, что-то ты больно гладкий! — кричит ему весёлый маленький старичок, почёсывая тросточкой затылок под шляпой, сдвинутой на нос. — Сам-то ты, небось, мяско потребляешь, а нас хочешь угощать травкой.

— Я не ем мясо, — рычит Форбстер, — я не жирный. Это не жир. На, пощупай, — он бьёт себя кулачками по груди и по животу, — это мускулы... Ну, вы, любители мяса! Выходите сюда! Я вам покажу, что значит человек, не берущий в рот мертвечины. Ну, кто хочет?

Он расправляет огромные плечи и шевелит бицепсами. Но тот же ехидный старичок неожиданно кричит ему:

— Что ты нас вызываешь, ты вот вызови московское «Динамо»! Они тебя накормят травкой.

Раздаётся оглушительный хохот. Все аплодируют. Рассерженный пророк постной пищи хватается шест с вывеской и замахивается. Трибуна трещит и валится. Оратор падает в толпу. Его с хохотом ловят на руки.

Мы провели много времени в Гайд-парке. Мы видели странных ораторов, псевдоучёных, дешёвых уличных политиков, бульварных красноречивцев, шарлатанов. Слышали мы каких-то непонятных, выживших из ума стариков, произносивших зловещие, почти заговорные речи. Это были посланцы разных общин, сектанты, клубные маниаки. Выступали — правда, очень редко — и хорошие люди, говорившие о недавно пережитом и пытающиеся предостеречь народ от повторения великих бед, следы которых ещё носит Лондон.

Чувствовалось, что эти сборища в Гайд-парке как-будто пытаются продолжать старинную традицию, сейчас выродившуюся главным образом в дешёвую и демагогическую болтовню.

Так на лужайках Гайд-парка, по воскресеньям, под сенью деревьев и с разрешения начальства, устраивается незатейливая игра в «свободу слова».

ПРИЯТЕЛИ

ПРОЗАИК Пётр Соусов и поэт Евгений Домашнев сидели в кафе, ели мороженое и ругали толстый журнал, в котором сотрудничали много лет.

Ругали они его горячо и очень сердито. Если бы бедный толстый журнал услышал, что говорили о нём в кафе его сотрудники, он от одного огорчения похудел бы до объёма школьной тетради.

— Серый он какой-то! — говорил прозаик.

— Серый и бледный! — вторил поэт.

От этих раскалённых речей мороженое в их вазочках таяло с удвоенной быстротой.

Поругав журнал в целом, прозаик и поэт занялись его сотрудниками — своими братьями по перу.

Досталось и собратьям.

— А что вы скажете про вашего дружка Закидаева? — сказал поэт Домашнев. — Я читал его последний рассказ. Ужасно!..

— Кошмарно! — согласился с поэтом прозаик.

Помолчав, Соусов сказал, играя ложечкой:

— Вот увидите, что его скоро покритикуют, Закидаева. И крепко покритикуют!.. И ведь никто человека не предупредит, не скажет просто, по-товарищески: «Послушайте, Закидаев, так писать нельзя. Одумайтесь, пока не поздно!..»

— Скажите вы. Вы же его приятель!

Прозаик поморщился:

— Бог с ним совсем. Обидится, начнёт спорить. Ох, Пашка, Пашка!.. Вы остаётесь или идёте?

— Посижу ещё.

Оставшись один, поэт раскрыл злополучную книжку толстого журнала и стал читать повесть Соусова, напечатанную рядышком с рассказом Закидаева.

Он одолел десять страниц и уже храбро штурмовал одиннадцатую, как вдруг его окликнули.

Поэт поднял голову и увидел, что к его столику подходит худой, длинный Закидаев.

— Только что вас вспоминали! — сказал поэт Домашнев, когда новеллист уселся и шумно заказал себе пива. — Тут был ваш дружок Соусов.

— Петя?! Жаль, что я его не застал. Кстати, вы его повесть читали?

— Вот... читаю... Хлебаю, так сказать.

— Ну и как?

— Если судить по началу, — ужасно!

— Дойдёте до середины — ещё не то запоёте. А в конце просто кошмарно!

— Скучища адская!

— Больше чем скучища — тощища смертная! Вообще он последнее время сильно деградировал, Петя Соусов. И знаете, почему: зазнался! Критика молчит, редакторы тоже молча штемпелюют. А ведь надо человека предупредить, сказать ему честно, по-товарищески: «Одумайся, Соусов! Пересмотри себя, Соусов!»

— Вы бы с ним поговорили как приятель, — сказал поэт, сардонически усмехаясь. — Наставили бы его на путь истинный.

Новеллист замахал руками:

— Да ну его совсем! Вы же знаете, какой он? С ним поговоришь, а он потом в постель ляжет. Температура 38°.

...Через пять дней после вышеописанных разговоров прозаик Соусов встретился с поэтом Домашневым в редакции толстого журнала.

— Читали? — сказал прозаик, не здороваясь.

— Читал! — с оттенком зловещей загадочности в голосе ответил поэт.

— Я вам говорил, что моего дружка стукнут! И его стукнули! И крепко. А главное, правильно. Ах, Пашка, Пашка!..

— Обождите, — сказал поэт, — а это вы... читали?

И он протянул Соусову свежий номер газеты.

— Неужели и тут... про Закидаева?..

— Нет, тут, собственно, не про Закидаева.

— А про кого же тут? Про вас?..

— Нет, тут, собственно... про вас!..

Соусов схватил газету и вышел в полутёмный коридор, по которому с тревожным жужжаньем сновали сотрудники редакции.

На ободранном диванчике сидел с газетой в руках бледный Закидаев.

Соусов сел рядом с приятелем и стал читать статью, которая действительно была довольно неприятной.

Прочитав, он положил газету на колени и сказал дрогнувшим голосом:

— Крепко меня... стукнули, брат!..

Закидаев замахал руками:

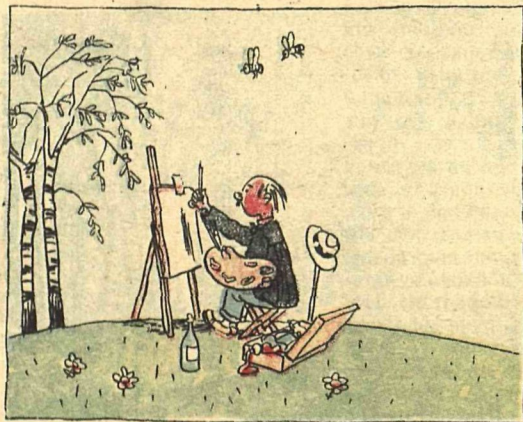
— Тебя что! Меня продёрнули с песочком, покрепче, чем тебя. И, главное, как это всё неожиданно!

И они, захлёбываясь от странного наслаждения, стали вместе ругать редактора, критиков и собратьев по перу за то, что они не предупредили, не сигнализировали, не указывали. Всем досталось!..

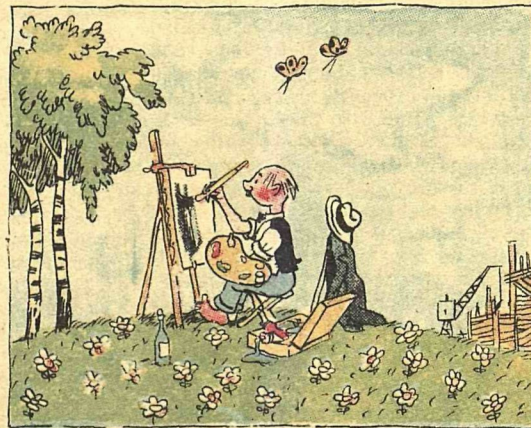
Леонид ЛЕНЧ.

Рис. И. Семёнова

СПИНОЙ К ЖИЗНИ

ВЕСНА. Художник Маловидов пишет пейзаж «Две берёзки».

ЛЕТО. Художник Маловидов пишет пейзаж «Две берёзки».

ОСЕНЬ. Художник Маловидов пишет пейзаж «Две берёзки».

ЗИМА. Художник Маловидов пишет пейзаж «Две берёзки».

Короче, скажет читатель, за год ничто не изменилось? Нет, уважаемый читатель, за год (см. рисунки) изменилось очень многое. Не изменился только художник Маловидов. Он не меняется вот уже 25 лет!

— Зайдите завтра. Этот вопрос я должен согласовать с председателем сельсовета.

— Зайдите завтра. Этот вопрос я должен утрясти с председателем колхоза.

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ

Наш год украшен Октябрём и Маем.
Мы к этим праздникам (и к прочим дням большим)
Обычно новые заводы в ход пускаем,
Дороги строим, новый дом кончаем
И новый магазин открыть спешим.
Здесь — новую осваивают трассу,
Тут — новый клуб, там — новая сберкасса...
Обновкам нет конца! И нам про всё про это
Восторженно, картинно и пестро
Распишет на столбцах предпраздничной газеты
По-праздничному лёгкое перо.

«...Над новым стадионом флаг трепещет,
Подстриженной травы сверкает изумруд...
Здесь молодость отваге рукоплещет,
Здесь сила с красотой чудесный спор ведут!..»
«...Внутри универмаг отделан в русском стиле,
А рыбный магазин — с садками под «Садко»...»
«...И все, кто на открытии школы были,
Ушли взволнованные очень глубоко...»
«...Наш город обновится в это лето —
Готов ремонта грандиозный план.
Нам твёрдо заявил предгорсовета,
Что в городском саду забьёт фонтан...»

Прекрасно! Я отнюдь не враг восторгов —
И близок мне восторг строителя, творца.
Пусть прелесть новых фабрик, школ, госторгов
Обрадует советские сердца!
Всё хорошо! Всё сделано насовест!
Но... будем продолжать простую нашу повесть.

Есть граждане у нас, — быть может, их немного,
Но портят нам всю музыку они:
Про новый дом и новую дорогу
Они кричат лишь в праздничные дни,
А в будни — рушится их новое хозяйство
От нерадивости и разгильдяйства.
Я нарисую вам примерную картину
И красок для неё не стану я жалеть —
Пусть сор и мусор, грязь и паутина
Наш светлый дом не засоряют впредь!

Мелькнула быстро праздничная дата...
В кипучих буднях жизнь идёт вперёд,
И всё, что так расхвалено когда-то,
Что было так красиво и богато,
В кратчайший срок хиреет и сдаёт.
Зачах универмаг с отделкой в русском стиле,
С фонтаном новым вышла ерунда:
Сначала он забил, потом его забрили,
Поскольку била грязь, а не вода.
И стадион поникнул флагом гордым:
Он слишком далеко от города стоял.
Нельзя ж за десять вёрст ходить пешком за спортом,
А транспорта никто наладить не желал...

Цветы, как говорится, облетели,
Их некому беречь, растить и поливать,
А как пред праздником авралить все умели,
Как все рвались вперёд — рапортовать!
И я, мол, в этом деле пай имею,
И я старался, доля тут моя.
Коль будут награждать, скажу, не покраснею:
— Я указал, и обеспечил я!

Но... праздник отошёл. Нескоро быть другому.
И вот прекрасный дом стал хуже, чем барак:
Туда в горячке дать забыли управдома
И даже дворника не подберут никак.
Где все хозяева девались, — неизвестно,
Быть на виду теперь им всем неинтересно...
Ударить бы в набат! Но нет, молчит газета,
Никто бесед ей больше не даёт.
Молчит горком, молчит предгорсовета,
До новых праздников воды набравши в рот.

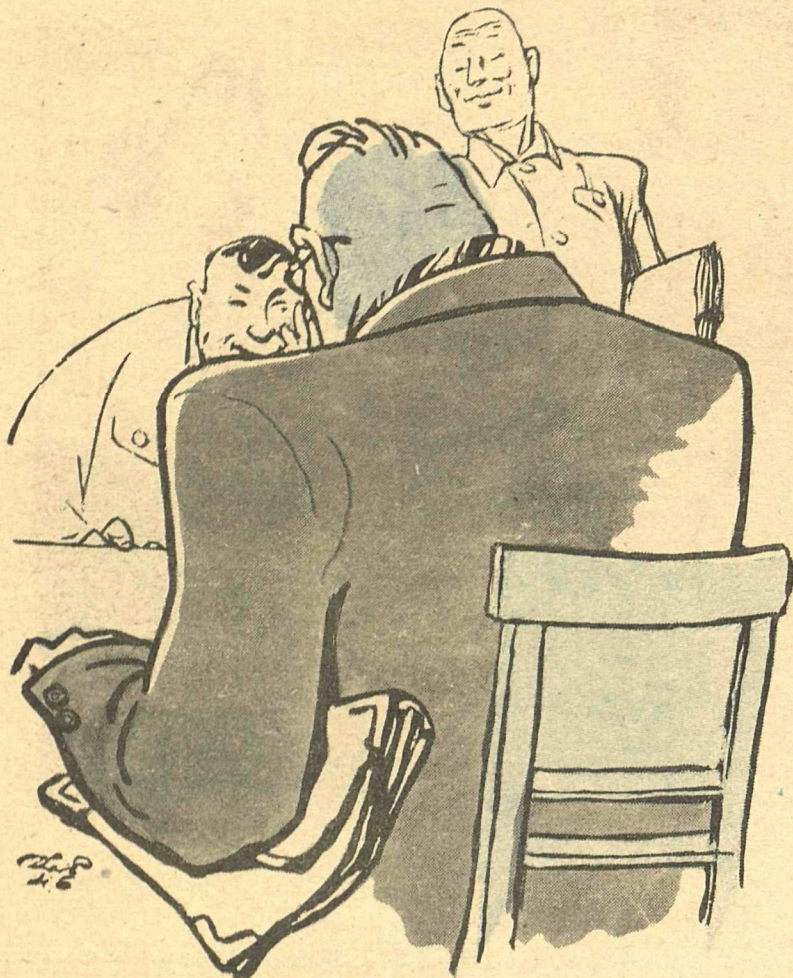
Другим мораль охотно мы читаем,
А сами слушаем её с большим трудом.
Друзья товарищи! Меж Октябрём и Маем
Давайте сэкономим и сквер, и клуб, и дом,
И всё, что будет к праздникам открыто,
Бережь давайте в будни деловито.
Народ ждёт дел, а не пустых речей,
Он ненавидит трепачей!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

НЕ ЖИРНО

Во многих районах Новосибирской области неудовлетворительно выполняют обязательства по сдаче молока и выработке масла.

Рис. К. Елисеева

- Как у вас в районе с маслом обстоит?
- С маслом — плоховато.
- А с молоком как дело идёт?
- Как по маслу!

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

КАВКАЗ ПО ШИКОЛОТКУ

Нам море было по колено.
По шиколотку был Кавказ.
П. АНТОКОЛЬСКИЙ.
«Не вечная память».

Гора над морем. Что ж
такого?
По кальке проводя черту,
Всегда от уровня морского
Мы исчисляли высоту.
А вот поэт, со смыслом
споря,
Изыл понятие «высота»:
Кавказ отныне ниже
моря...
Но как? С хребтом? Иль
без хребта?

ЕСЛИ ПРОВЕРИТЬ

Пифагор, прямым не веря
рейсам,
Не нашёл бы друга между
нами,
Но, поверить коль
пифагорейцам, —

Есть у них друзья...
В журнале «Знамя»!

ГОРОД ДЕЖ, ГОРОД КЛУЖ...

Нет надежд,
Только глупь,
Мёртвый нибелунг,
Город Деж,
Город Клуж,
Город Кимполунг,
С. ГУДЗЕНКО.

«Трансильванская баллада».

Шёл поэт
В дальний путь,
Скажем, на войну;
Видел звет,
Видел чуть
Дальнюю страну.
Стих-то где ж?
Только чушь...
Взял он для игры
Город Деж,
Город Клуж,
Кимполунг и др.

Иван МОЛЧАНОВ

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

О СЕНЬ на носу, — сказала она мечтательно, разглядывая в бинокль крутой берег реки, где молодой сентябрь, развлекаясь, начал портить зелень деревьев.

— Не только на носу, но и на корме, — сострил и сам же одобрительно рассмеялся своей шутке пассажир в бордовом галстуке.

Мы сидели на палубе маленького парохода, который шёл вниз по Волге. Плавающие и путешествующие товарищи любовались природой, питались, курили, читали, разговаривали, зевали.

Остряк в бордовом галстуке страшно потел и из последних сил пленял остроумием свою соседку, девушку неопределённого возраста. Её кофточка, утыканная «молниями», была украшена двумя металлическими негрятёнками — аляповатое произведение какого-то кустаря на Зацепе, который сбывал на рынке эти игрушки под видом «заграничного товара».

О заграничном товаре и заговорил остряк:

— Бинокль у вас ольрайт. Заграничный?

Она утвердительно тряхнула причёской.

— Сразу видно.

— Что видно? — спросила она.

— Если посмотреть в бинокль, — всё сразу видно, — ответил он и тут же сопроводил свои слова изрядной порцией смеха.

— Это театральный бинокль, — пояснила девушка.

— Часто, пардон, посещаете храм Мельпомены?

Она не поняла. И спросила, стараясь наиболее кокетливо прищурить глаза:

— На что намекаете?

— Нет, я хотел узнать: часто бываете в театре?

— Больше люблю кино. Оно короче. Не надо тратить целый вечер.

— Мерси. Чудесно сказано. Афоризм, достойный кисти Айвазовского.

— У меня есть один знакомый деятель искусства. У него пропуск в Дом кино. Смотрим только заграничные картины. Какая прелесть!

— О, да!

Он стал серьёзным. Перестал острить. А она восторженно продолжала:

— Да, какая прелесть! Манеры, автомобильные гонки, моды, ковбой, сигареты.

— А какие прерии и пампасы!

— Мне больше нравятся ковбой, чем пампасы.

— Не говорите, в пампасах есть свой шик. Это очень мужественное племя индейцев.

— Недавно я смотрела один фильм. Красота! Называется «Доброе утро, мисс!» Вы понимаете, она дочь разбогатевшего миллионера. Он... этот самый... как его... гангстер...

— Знаю. Это у них, кажется, такая политическая партия.

— Вот-вот! У него своя машина, и он безумно любит дочь миллионера. На ней новое бальное платье со шлейфом, и она не соглашается бежать из родного дома. Тогда он, разочаровавшись в жизни, убивает финкой эту мисс в её роскошном будуаре цвета беж. Но он настолько любит её, что успевает захватить на память её драгоценное ожерелье. Это, конечно, очень жестоко, но, согласитесь, красиво. Нет, у нас так не умеют...

— Окей! — грустно вздыхает её собеседник, подавленный широтой натуры заграничного кавалера.

Я решил принять пассивное участие в их содержательной беседе.

— Простите! — сказал я, галантно улыбаясь. — А вы видели новый американский боевик в трёх частях «Шиворейшен-навыворейшен»? Я думаю, что вы ещё не успели его посмотреть. Там все действующие лица и даже лошади ходят головой вниз.

— Почему? — догадался спросить обладатель бордового галстука.

— Молчите! — сказала она, наградив своего соседа уничтожающим взглядом. — Вы ничего не понимаете. Как это оригинально!

— Да! — продолжал я. — Это очень оригинально. У нас так не умеют. Поэтому и фильм называется «Шиворейшен-навыворейшен»...

— Какая красота!

— Что по-русски означает: «Шиворот-навыворот». Искания, друзья мои! Надоели старые формы.

— Пардон, я начинаю понимать, — произнёс мужчина. — Это — действительно новое слово.

Я ещё более расшаренился и продолжал самым бессовестным образом молоть чепуху:

— В этой картине все реки текут вспять, деревья и цветы растут корнями вверх и перевернутые вверх ногами репортёры газет пишут правду.

Они оба ахали, охали, вздыхали. Я безустанно нанизывал одну глупость на другую. Я тщетно ожидал, что вот-вот они поймут. Они поймут, что я издеваюсь над ними, обидятся и наговорят мне кучу оскорбительных слов.

Но, к сожалению, ничего этого не случилось. Они так были напитаны за океанскими «боевиками», что принимали на веру всё, что я им болтал. Они продолжали так ахать и охать, что вскоре, мягко выражаясь, надоели мне. Я прервал себя на полуслове и поспешил уйти прочь от этих людей, чьи мозги устроены «шиворейшен-навыворейшен».

Г. РЫКЛИН.

Рис. В. Горяева

— На тебя учителя жалуются, что ты целую неделю школы не посещал.
— И на тебя, отец, учителя жалуются. Ты, говорят, не был в школе целый год.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО ОТЕЧЕСКОЕ ВНУШЕНИЕ

Директор совхоза отдела рабочего снабжения станкозавода «Коммунар» (Чкаловская область) тов. Сафонов не выполнил приказа своего начальства. В связи с этим последовало прозное предупреждение, которое мы и воспроизводим в выдержках:

«Ваш поступок возмутительный и заслуживает строгого взыскания. Директор завода т. Вольский возмущён Вашим поведением такого «детского» поступка.

Не желая за такое короткое время работы накладывать на Вас строгое взыскание, должен Вас предупредить, что Вам очень рано как молодому руководителю начинать игру с уголовщиной.

Подумайте, что Вы делаете?

Ваш период ознакомления полагаю истёк, благоволиите ответить за все недостатки работы, а Вам отвечать придётся.

Запрещаю глупые поступки отпуска кормов на сторону, да ещё без оформления.

Оправдайте доверие, которое Вам оказали, и не зазнавайтесь. Не лезьте сами в неприятности, их и так много.

Зам. Директора з-да нач. ОРС'а
Ф. ГРАФОВ».

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТИР

В центре Томска, рядом с отделом народного образования, помещается стрелковый тир. Над тиром вывеска:

ПЛЕВМАТИЧЕСКИЙ ТИР
ОСОАВИАХИМА

ЗАБЛУДШИЙ ГОРОД

Начальник паровозного депо имени Ильича, Западной железной дороги, получил от начальника оперпункта железнодорожной милиции станции Кунцево, Западной железной дороги, срочное предписание № 07/39:

«Оперпункт жел. дор. милиции ст. Кунцево Зап. ж. д. просит отозвать из командировки гор. Смоленск находящийся по вашему распоряжению в командировке с 10.VII с. г. Вызов обуславливается явкой его по делу в оперпункте жел. дор. милиции ст. Кунцево Зап. ж. д.».

ПОЗВОНИТЕ ЕЩЕ РАЗ...

КУДА пойдём?
— Пойдём в бюро пропусков Министерства лёгкой промышленности. Кстати, там в одном бюро выдают пропуски в три министерства: лёгкой промышленности, текстильной промышленности СССР и РСФСР.

После короткого совещания мы прибыли на улицу Кирова, 43, в бюро пропусков трёх министерств. У закрытых дверей бюро терпеливо ожидало пятьдесят посетителей.

— Почему не открывают?
— Через три минуты. Сейчас двадцать семь минут одиннадцатого.

Открыли точно. Вошли в светлое и просторное помещение и... через десять минут всем были выданы пропуска.

— Кажется, нам здесь делать нечего, — сказал мой спутник. — Пошли дальше.

— Куда?
— На площадь Ногина. Там несколько министерств.

— С чего начнём?
— С рыбной промышленности.

Входим в вестибюль Министерства рыбной промышленности.

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваем у швейцара, — где у вас бюро пропусков?

— У нас пропуска отменили вовсе.
— ??!

— Проходите, граждане, куда вам надо. Вам в какое управление?

Мы опять очутились на улице.
— Может, повернём в редакцию и доложим, что не вышло дело?

— Зайдём ещё в бюро пропусков четырёх министерств: нефтяной промышленности западных районов и восточных районов и угольной промышленности запада и востока СССР. Вот, через улицу, совсем рядом.

Первый вопрос:
— Бюро действует или отменили?

— Что значит «отменили»? — подозрительно посмотрел на нас дежурный вахтер.

Вошли в бюро. Полутёмное и тесное помещение, серые фанерные перегородки, за которыми в полутьме сидят девушки и скучают...

У телефона волнуется какой-то посетитель:
— Миленькая, родненькая Фанна Львовна, я уже двадцать два часа жду... Я уже выкурил коробку папирос. Поймите...

Пожилый мужчина в сером пальто, круглой шляпе и с потухшей папиросой уныло кладёт трубку телефона и бросает безнадежно:

— Можно сойти с ума! Этого нет, того нет...
— Кого нет? — спрашиваем.

— Тот, который мне нужен, на месте. Но тот, который имеет право заказать мне пропуск, занят. И пока он не освободится, я не получу пропуска. Вы поняли?

Рядом с этим неудачником стоял и вежливо барабанил по рычажку человек в ватной куртке и военной фуражке: В ногах у него стоял деревянный чемодан с висячим замком на кольцах.

— Откуда, товарищ?
— Из Донбасса. По спецкомандировке в транспортный отдел, к товарищу Савченко.

— Давно упражняетесь на этом аппарате?
— Часа три. Как приехал с поезда, так и добиваюсь. Сами меня вызвали и сами не пропускают.

Он идёт к окошечку. Там никого нет. По ту сторону окошечка сидит приветливая молоденькая девушка со значком «Почётный донор». Она уже всех изучила и запомнила. Увидев человека в ватной куртке, она с сожалением говорит ему:

— Вам ещё не заказали, товарищ Полумысов. Позвоните ещё.

— Немного отдохну, — отвечает Полумысов и садится на свой чемодан рядом с такими же,

как он, посетителями, тоже с деревянными чемоданами.

Многие уже перезнакомились, угощают друг друга папиросами, некоторых мы встречали здесь раньше, третьи уже успели побывать в закуской.

— Ну? — спрашивают они девушку, дожидаясь бутерброд.

— Вам ещё не заказали, позвоните ещё раз.
— Ладно, зайду завтра.

— Приходите.
У самых дверей волнуется демобилизованный. На правой стороне гимнастёрки у него Красная звезда, на левой — медали «За отвагу», «За Варшаву».

— Давно, товарищ, добиваетесь пропуска?
— С пятницы. А сегодня понедельник. Я уже один раз было прорвался, но ничего не вышло. А сегодня барабаню с десяти часов утра. А сейчас уже два часа дня.

— Откуда приехали?
— Из Казахстана. Я в Горьком должен получить автомашину для облсполкома, а здесь, в Нефтебазе, у товарища Женихова, нужно получить открытый лист на бензин. Я шофёр, моя фамилия — Крюков. Я принёс сюда бумажку в пятницу. Звоню, звоню, целый день звоню. В три часа дня я-таки обманул одну секретаршу и она меня провела в помещение. Я ей по телефону сказал: «Выйдите ко мне и возьмите бумажку — и я уйду». Она пришла, и я её упробил... Она меня провела с собой. Взяли у меня бумажку и сказали: придёте в субботу. Пришёл в субботу. Звоню. Целый день звонил. Вот ещё этот товарищ в кожаном пальто, он тоже в субботу был здесь. Ну, сказали: в понедельник. Вот я сегодня с утра. Понимаете, голос у секретарши сегодня другой. Ту бы я упробил, она мне уже знакомая.

А наверху, там, где секретари, телефоны трещат, хрипят, заливаются — это звонки из бюро пропусков. Для того чтобы вам был заказан пропуск, секретарь должен быть на месте и должен иметь желание вас выслушать.

И в том случае, если телефон не занят и не испорчен, ибо половина телефонов неисправна, секретарь вам скажет, кому вы должны позвонить, чтобы получить разрешение. Тот, который должен дать вам разрешение, должен быть на месте, быть в хорошем настроении, иметь желание вас выслушать.

Но вот вас согласились принять. Тогда служебное лицо должно сказать секретарю, чтобы вас пропустили, секретарь, если он на месте и если он не забудет, должен вызвать бюро пропусков (если телефон не занят) и заказать вам пропуск.

Вам тогда могут выписать пропуск, если секретарь правильно передал вашу фамилию. Иначе всё сначала...

Вот почему шофёр из Казахстана Крюков с пятницы по понедельник не может получить пропуск в Министерство нефтяной промышленности к товарищу Михайлову или к товарищу Женихову.

Не повезло вам, товарищ Крюков!
Если б вы приехали в командировку в Министерство лёгкой промышленности или текстильной, вас спросили бы:

— У вас командировка? Получите пропуск! Всего одна минута.

Если б вы приехали в Министерство рыбной промышленности, то и одной минуты не нужно терять. А вы приехали в Министерство нефтяной промышленности...

Не повезло вам! Как и другим посетителям этого учреждения.

Что ж поделаешь! Позвоните ещё раз...

М. ЭДЕЛЬ

Зарисовка Г. Валька

— Разрешите и мне, товарищи, поздравить вас с первенством по футболу. Не мог это сделать раньше по болезни. Болел за вас.

ЧУТКИЙ ТОВАРИЩ

(Сценка в трёх действиях)

I ДЕЙСТВИЕ

Собрание комсомольцев. Выступает тов. Кардашев.

КАРДАШЕВ (горячо и с пафосом): Наш долг, наша обязанность — заботиться о семьях воинов, погибших на фронтах Отечественной войны. Этому делу мы должны отдать все силы.

II ДЕЙСТВИЕ

Квартира Кардашева из четырёх комнат. В большой комнате у порога стоит жена погибшего майора Дора Замлер.

ЗАМЛЕР: Я, товарищ Кардашев, не прошу у вас свои две комнаты. Уступите только одну, чтобы я могла с ребёнком иметь свой угол.

КАРДАШЕВ (холодно): Я уже сказал, что не уступлю ни одной. Я ответственный работник обкома комсомола. Понятно? Если я вам уступлю комнату, это будет прецедент для владельца второй половины квартиры...

ЗАМЛЕР: Прокуратура ведь предложила вселить меня в одну из комнат. Муж-то мой ушёл на фронт из этой квартиры! Меня-то эвакуировали из этой квартиры! Закон-то на моей стороне!..

КАРДАШЕВ: Всё верно! Закон на вашей стороне. Прокурор вынес решение в вашу пользу. Но я не уступлю ни одной комнаты. Мне нужны удобства.

ДЕЙСТВИЕ III

Областная прокуратура. Помощники областного прокурора Зверева, Харлашкин и Тонхилевич обсуждают очередное заявление гражданки Замлер и приложенные к нему решения районного и городского прокуроров.

ЗВЕРЕВА: Решения обоих прокуроров правильны: по закону от 5 августа, Кардашева нужно административно выселить из двух комнат... Не знаю, что и предпринять. Надо бы вызвать Кардашева, поговорить с ним по душам, напомнить ему, что Замлер — жена погибшего майора.

ХАРЛАШКИН: Да, я уже приглашал его, а он и слушать не хочет: я, мол, ответственный работник, и меня повестками вызывать в прокуратуру нельзя.

ЗВЕРЕВА: Как же быть?

Все думают... Напряжённо думают...

Не будем им мешать. Пусть думают.

Алексей БОРИСОВ

г. Одесса.

В ГОРОД НОВГОРОД, РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ...

М. Худяков, отец погибшего на фронте офицера, обратился к уполномоченному Министерства заготовок по Новгородской области с просьбой разъяснить, какими поставками сельскохозяйственных продуктов облагается его, Худякова, хозяйство.

Прошло полтора месяца. Уполномоченный не соизволил ответить. М. Худяков написал об этом в газету «Новгородская правда».

Редакция быстро откликнулась. За подписью заведующего отделом писем (подпись, конечно, неразборчива) она информировала тов. Худякова о следующем:

«При выяснении в Облуполминзаге оказалось, что они Вам ответили. В просьбе Вашей Вам отказано».

Выходит, что уполномоченный Министерства отказался разъяснить тов. Худякову советский закон! Тогда почему же редакция сообщает об этом так равнодушно?!

Со своей стороны, мы убедительно просим редактора «Новгородской правды» хотя бы на несколько минут заглянуть в подведомственный ему отдел писем. Хочется думать, что в этой просьбе нам не будет отказано.

ПОДХОДЯЩАЯ ЦЕНА

Мы не завидуем руководителям могилёвского туберкулёзного диспансера. И завидовать им, собственно говоря, нечего: они недавно получили бумажку, которая привела их в смятение.

Могилёвский городской военкомат срочно вызвал к себе начальника отдела кадров тубдиспансера и обязал представить сведения о количестве занятых рабочих

и о количестве выпускаемой продукции за первую половину года в денежном выражении.

Какая продукция может быть в диспансере? И как учесть в денежном выражении всякого рода противотуберкулёзную продукцию?

Вот если бы запросить могилёвский военкомат и выяснить, какова в денежном выражении стоимость выпускаемой им бумажной продукции, тут, не задумываясь, можно было бы ответить:

— Грош цена!

О ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ

Отдел кадров бакинского пассажирского отделения Азербайджанской железной дороги выдал справку следующего содержания:

«Справка

Дана сия Бабаеву Ахмеду в том, что его жена и ребёнок хлебных карточек на сентябрь 1946 года получать не будут в виду смерти по месту работы ЛН/1..

Разъясняем, что «ЛН/1» — это и есть бакинское пассажирское отделение.

Итак, жена и ребёнок Ахмеда Бабаева скончались по месту работы. Почему и не получают карточек.

Между тем и жена Бабаева Зюлейха и дочь его Салтанет настойчиво требуют карточек. Самым фактом своего появления в отделе кадров они доказывают, что вовсе не умирали ни по месту работы, ни у себя дома. А умер Ахмед Бабаев, которому никакие справки, скажем прямо, не нужны.

Всё непонятно в этой справке. Понятно одно лишь: отдел кадров бакинского пассажирского отделения равно безразличен и к мёртвым и к живым.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Нет, нет, а деятели почтового ведомства рдуют нас своими рекордами!

Посылаю тебе для обозрения обыкновенную почтовую открытку. Она замечательна тем, что расстояние в 155 километров, от Бухары до станции Карши, Бухарской области, прошла за 3 года и 9 месяцев.

Спортивные рекорды, я знаю, регистрируются особыми судейскими коллегиями. А какая коллегия регистрирует очередной почтовый рекорд?

Бухара.

Маджид АШУРОВ

Товарищ Крокодил!

Депутат Верховного Совета СССР тов. П. Кривонос поддержал моё ходатайство о выдаче мне кредита для покупки дома и переслал моё заявление в дорожный комитет Северо-Донецкой железной дороги.

И вдруг я получаю из дорпрофсожа ответ по поводу выдачи мне кредита на приобретение... коровы.

Я слышал, что есть такая болезнь, называемая дальтонизмом, при которой не отличают один цвет от другого. А какой болезнью страдают работники дорпрофсожа, которые не могут отличить корову от дома?

И. ДРОБАХА,
машинист паровозного депо
ст. Куяныск.

Дорогой Крокодил!

Исключительно тесная связь установилась между населением Вышнего Волочка и начальником местной конторы связи тов. Бардиным: только за семнадцать дней, с 6 по 23 июля с. г., тов. Бардин получил 285 заявлений, в которых жители возмущаются плохой работой радио.

Печальнее всего, что начальник конторы не может ответить своим многочисленным корреспондентам: послать всем письма он физически не в состоянии, а использовать радио нельзя, поскольку оно не работает.

Несмотря на эти трудности, связь тов. Бардина с населением непрерывно расширяется: об этом свидетельствует непрекращающийся приток жалоб.

Вышний Волочок,
Калининской обл.

С. ЗАВАРОВСКИЙ

Уважаемый Крокодил!

Директор совхоза «Зелёный Гай» тов. Олишевич — добрый и справедливый человек. Его принцип: делиться поровну. Судите сами.

Недавно зарезали в совхозе корову. Так ведь не взял же директор в свою коровью тушу себе! Нет. Девяносто килограммов мяса он отдал в столовую для рабочих. Когда же директор узнал, что вся печёнка по недосмотру зоотехника Ткаченко попала в столовую, Олишевич, естественно, возмущился такой несправедливостью и потребовал свою долю. Ткаченко побежал на кухню, вытащил из котла варившуюся печёнку, отрезал кусок (заметь, ровно половину!) и галопом доставил его директору на квартиру.

Что ни говори, а справедливый человек — директор Олишевич! Он всё делит пополам: одну половину — себе, другую — всем остальным.

Б. СЕРГЕЕВ, Л. ИЛЬЧЕНКО

Вознесенск, Николаевской обл.

Дорогой Крокодил!

Мы располагаем захватывающе интересным материалом для создания фильма в трагикомическом жанре. Основой сюжета могут послужить наши мытарства и приключения в канцелярских дебрях Дрогобычского областного отдела кинофикации. Более полутора лет понадобилось его руководителям гг. Ермилову и Медведю на то, чтобы прислать два демонстрационных аппарата для нашего пустынного стационарного кинотеатра.

Жаль только, что если такая картина и выйдет на экран, то увидеть её нам всё равно не удастся: уже восьмой месяц, как мы безрезультатно ждём монтажников, которые должны установить привезённую киноаппаратуру.

К. ОГАНОВ,
директор нефтепромысла
пос. Сходница, Дрогобычской обл.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В г. Новая Ляля, Свердловской области, прокурор Громов безучастно относился к разбазариванию продуктов в местном детском санатории. К тому же Громов был замечен в неэтичном поведении. Обо всём этом Крокодил поставил в известность Свердловский обком ВКП(б), Громов от работы освобождён.

♦ В № 20 Крокодил опубликовал заметку о том, что председатель колхоза «Красный трудник», Ростовской области, занял помещение школы под птичник. Ростовский облисполком сообщает, что помещение школы освобождено.

ЕЩЕ О ПОШЛОСТИ

— А ведь пьеска-то, говорят, пошла!

— Да, и пошла во многих театрах.

Рис. В. Фридкина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 620. Подп. к печати 1/X 1946 г. Стаформат 72 × 105 см. Печ. л. 1½. Кол. зи. в 1 печ. л. 78 000
А 08595 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 150.000 экз. Заказ № 2208

48

Рис. Л. Бродаты

ГИД:— Направо господ, развалины храма Дианы — два века до нашей эры, налево — редакция демократической газеты... за два дня до плебисцита.